

Мащитко С.М. Роль экзистенциализма и диалогизма в деструкции трансцендентального субъекта классической феноменологии // Universum: Общественные науки : электрон. научн.

журн. 2015. No 1-2 (12) . URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1972>

РОЛЬ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА И ДИАЛОГИЗМА
В ДЕСТРУКЦИИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО СУБЪЕКТА
КЛАССИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Мащитко Сергей Михайлович

канд. филос. наук, доцент, Белорусский государственный
университет информатики и радиоэлектроники,

Беларусь, г. Минск

E-mail: iashchik@yandex.ru

ROLE OF EXISTENTIALISM AND DIALOGISM IN THE DESTRUCTION
OF THE TRANSCENDENTAL SUBJECT
OF CLASSICAL PHENOMENOLOGY

Mashchitko Sergey

candidate of Philosophical Sciences, associate professor,

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics,

Belarus, Minsk

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается роль экзистенциализма Ж.-П. Сартра и диалогизма Э. Левинаса в преодолении идеи трансцендентального субъекта в рамках феноменологии Э. Гуссерля. Продемонстрированы две линии развития мысли, итогом которых стала концептуальная метафора «смерти субъекта». Одна из них опирается на экзистенциалистскую идею вторичности его по отношению к сознанию, вторая — на расщепление времени в этическом

отношении к Другому, открытое диалогизмом.

ABSTRACT

The article discusses the role of J.-P. Sartre's existentialism and dialogism of E. Levinas in overcoming the idea of the transcendental subject as part

of the phenomenology of Edmund Husserl. Two lines of thought, leading to the conceptual metaphor of "death of the subject" are shown. One of them is based on the idea of existentialist transcendence ego in relation to consciousness, the second proceeds from the E. Levinas's destruction of the priority of present in the ethical relation to Other, which limits the claims of the transcendental subject.

Ключевые слова: интерсубъективность, «смерть субъекта», alter ego, трансцендентальное поле, диахрония, Другой, метафизика отсутствия, след.

Keywords: intersubjectivity, "death of the subject", alter ego, the transcendental field, diachrony, Other, metaphysics of absence, trace.

Гуссерлевская идея интерсубъективности впервые обозначила границы феноменологического проекта. Проблема интерсубъективности оказалась своего рода критической точкой, которая была использована некоторыми мыслителями для отказа от исходных оснований учения Э. Гуссерля и придания ему принципиально нового вида.

Целью данной статьи является реконструкция основных линий преодоления концепции интерсубъективности и установление их связи с идеей «смерти субъекта», которая стала общим местом для постмодернизма и постструктурализма, рассматриваемых здесь на базе концепций Ж. Деррида и Ж. Делеза. Необходимо отметить, что финальный отказ от понятия субъекта в новейшей западной философии опосредован экзистенциализмом и диалогизмом.

Постановка и решение проблемы интерсубъективности Гуссерлем имели громадные последствия, характер которых противоречит изначальной презумпции феноменологического проекта: отказ от субъективности как автономного сознания и обоснование идеи «смерти субъекта». Заслуга опосредования принадлежит, прежде всего, М. Хайдеггеру, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартру и Э. Левинасу.

Процедура феноменологической редукции, предложенная Э. Гуссерлем, приводит к открытию трансцендентального *ego* как абсолютной смыслоконституирующей инстанции. Однако при этом возникает проблема статуса *alter ego*, которое, с одной стороны, является продуктом «моего» эгологического конституирования, а с другой — наделено равными трансцендентальными полномочиями. Результаты поздних исследований Э. Гуссерля приводят, во-первых, к открытию до-эгологического трансцендентального уровня перво-Я и, во-вторых, к утверждению параллельного конституирования *ego* и *alter ego*. Эти результаты были использованы экзистенциализмом и диалогизмом, что в итоге привело к идее десубъективации в философии постструктурализма, в частности, в творчестве Ж. Деррида и Ж. Делеза, у которых «смерть субъекта» осмысливается существенно по-разному.

Отказ от трансцендентальной субъективности, наметившийся в феноменологии Э. Гуссерля, был подхвачен неклассическими версиями феноменологии, перед которыми возникла двойственная задача: во-первых, окончательно разрушить концепцию трансцендентального субъекта, во-вторых, найти альтернативные понятия и процедуры, способные «реконструировать» человека.

Альтернативные стратегии решения этой задачи были предложены Ж.-П. Сартром и Э. Левинасом, которые выдвинули программные концепты экзистенции и Другого.

В философии Ж.-П. Сартра феноменологическая модель сознания как потока творческих актов дает возможность рассматривать его с точки зрения присущей ему абсолютной свободы. В основе сартровского понятия экзистенции лежит радикализация процедуры феноменологической редукции, в результате чего за пределами имманентной сферы сознания оказывается в том числе и трансцендентальное *ego*. Ж.-П. Сартр исследует статус последнего в своей работе «Трансцендентность *эго*», где он указывает, что «...для феноменологической концепции сознания предположение

о единящей и индивидуализирующей функции Я оказывается совершенно излишним... Следовательно, трансцендентальное Я не имеет разумных оснований для своего существования... Трансцендентальное Я — это смерть сознания» [4, с. 90]. С точки зрения французского философа, под именем *ego* как руководящей инстанции Э. Гуссерль вводит в сознание «мертвый», непрозрачный, вещьобразный и, что главное, нетемпоральный объект. Сознание, лишенное полюса самотождественности, оказывается перед угрозой исчезновения. И фактически сартровская модель человека никак этому не препятствует. Единственной иррациональной преградой оказывается педалирование идеи свободы и самопроектирования.

Под влиянием в том числе идей Ж.-П. Сартра, сознание в философии постструктурализма аннигилируется, будучи перенесенным на эмансипированные от сознания вещи. Если в сознании нет ничего внутреннего, то и само оно перестает быть внутренним, неизбежно

овнешняется посредством вещей. Эта логика определяет всю его дальнейшую судьбу.

Ж. Делез в своей «Логике смысла», описывая смыслогенезис, вполне основательно ссылается на достижения Ж.-П. Сартра: «Фактически наделение смыслом предложения может происходить только внутри трансцендентального поля, отвечающего условиям, сформулированным Сартром: безличное трансцендентальное поле, не имеющее формы синтетического сознания личности или субъективной самоидентичности. Напротив, субъект всегда конституируется... Трансцендентальное поле смысла должно исключать не только форму личного, но также формы общего и индивидуального» [1, с. 138].

Таким образом, в условиях отсутствия его как трансцендентального единства сознания, последнее обретает форму шизо потока, где его возможно только как случайное событие. Концептуально индивид, лишенный его, превращается в дива. Неслучайно Ж. Делез сохраняет вполне сартровский пафос в отношении ничем не сдержанной креативной способности, только

в отличие от гуманистически ориентированного экзистенциализма, она имеет уже не человеческую, а машинную природу.

Преодоление трансцендентального солипсизма имплицировало в современной философии постановку проблемы Другого. Здесь следует обратиться к творчеству Э. Левинаса, работы которого во многом определили философию Ж. Деррида, в частности, его критику метафизики присутствия.

Согласимся с мнением российской исследовательницы его творчества

А. Ямпольской, которая полагает, что «...появление критики метафизики присутствия у Деррида обязано левинасовской «неприсутствующей

инаковости» не в меньшей степени, чем хайдеггеровскому анализу тождества и различия» [5, с. 95].

Заслуга Э. Левинаса заключается в том, что он на базе феноменологического подхода стремится показать бессилие и насилие трансцендентализма в отношении проблемы Другого. Следуя Канту и своему трагическому жизненному опыту, Э. Левинас осмысляет проблему Другого исключительно этически, отрицая возможность чистого теоретизирования в этой области.

Истолкование бытия через эгологическое конституирование является, согласно Э. Левинасу, апофеозом рациональности, которая построена на сведении любой инаковости к тождественному «я мыслю» трансцендентальной апперцепции. В этом смысле феноменологический проект Э. Гуссерля преподносит имманентность и синхронию как условия достижения очевидности и присутствия — высших форм рациональности. По существу, это является уничтожением инаковости Другого. Посему условием существования его инаковости является возможность иного времени: «При переходе от Эго к собеседнику существует временность иного рода, чем та, что позволяет собрать себя в присутствие «сказанного» и «написанного...» [3, с. 147]. Таким образом, Э. Левинас отказывается мыслить Другого как интенциональную модификацию себя самого, равно как и сводить прошлое к интенциональной модификации настоящего.

Новое понимание темпоральности основано не на присутствии и настоящем, а на этическом отношении к Другому, т. е. диахронии. Другой никогда не присутствует как имманентность, невозможность тотального темпорального синтеза только и открывает возможность отношения к Другому, равно как

и наоборот — Другой открывает время: «Близость есть сбой времени, доступного для воспоминания ... абсолютная инаковость мгновений, без которой не было бы времени, не может быть произведена в идентичности субъекта или существующего, она входит во время через Другого» [5, с. 94—97].

Так, понятая темпоральность фундируется не в настоящем, не в моменте Теперь, а в прошлом, причем таком, которое никогда не было моим (в противовес гуссерлевской ретенции), и будущем, которое не будет моим.

Как пишет Ж. Деррида, «...след заставляет нас мыслить такое прошлое, которое невозможно понять как измененное настоящее, как настоящее, отошедшее в прошлое» [2, с. 194].

Общее имя для всего этого — отсутствие: «Отношение с Другим — это отсутствие Другого, но не простое и чистое отсутствие, не отсутствие ничто, но отсутствие в горизонте будущего, отсутствие, одновременно являющееся временем» [5, с. 94].

Э. Левинас, как видно, обнаружил в темпоральности один из выходов за пределы классической феноменологии и начал предприятие по деконструкции трансцендентального *ego*. Ж. Деррида обязан Э. Левинасу обнаружением невозможности абсолютного темпорального синтеза в имманентной сфере сознания. Развивая эти идеи, он приходит к концепции приоритета письма перед речью, а также к открытию прото-письма. Выступая против классической философии под именем метафизики присутствия, основатель деконструкции опирается именно на левинасовское открытие лакун сознания-времени. Проекция же этого открытия на анализ соотношения означаемого и означающего в «Голосе и феномене» закладывает основы метафизики отсутствия вкупе с метафизикой различия и концептуальной

метафорой следа, заявивших о себе как о «брендах» постструктурализма и шире — постмодернизма.

Мы обозначили две линии отказа от категориального комплекса «субъект», истоком которых явилась гуссерлевская концепция интерсубъективности. Одна из них пролегает от Ж.-П. Сартра к Ж. Делезу и заключается в обосновании вторичности *ego* по отношению к сознанию (Сартр) и по отношению к «трансцендентальному полю распределения сингулярностей» (Делез). Иной путь от Э. Левинаса к Ж. Деррида состоит в апплицировании левинасовской концепции диахронии и темпорального неприсутствия на анализ знака.

Другими словами, в первом случае мы имеем расщепление субъекта, во втором — текстуализацию. Вторая из этих линий непосредственно связана с современной стратегической программой «воскрешения субъекта», которая предполагает реконструкцию последнего, но лишь в качестве производного от текста.

Список литературы:

1. Делёз Ж. Логика смысла. — М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. — 480 с.
2. Деррида Ж. О грамматологии. — М.: Ad Marginem, 2000. — С. 109—511.
3. Левинас Э. Диахрония и репрезентация // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. — Томск: Водолей, 1998. — 320 с.
4. Сартр Ж.-П. Трансцендентность *эго* // Логос. — 2003. — No 2 (37). — С. 86—121.
5. Ямпольская А. Вклад Левинаса в феноменологию и в деконструкцию феноменологии // Логос. — 2004. — No 1 (41). — С. 88—105.

